

Журнал Саша

В СЕНТЯБРЕ 1989 ГОДА на фестивале каскадеров в Тулузе во время исполнения трюка получает тяжелейшую травму наш каскадер Александр Карин. Этот эпизод повторяется в картине несколько раз: Саша и его партнер прыгают с какой-то поднебесной конструкции на штабеля картонных ящиков (обычная страховка советских каскадеров), но тот делает кувырок вовремя, а Саша немного задерживается в полете, прыгает как бы затаженным — и...

Потом больница во Франции, у нас, опять во Франции, благо, что французы как хозяева фестиваля заплатили полмиллиона франков страховки. Жизнь спасена, но она переломилась, и надо решать, как жить дальше. Решать самому. Не совсем, конечно, самому: рядом Настя, рядом и друзья, они не бросят, не подведут. И все-таки прежде всего — самому.

Крупным планом — восковые пальцы Саши, его высохшие от непривычной неподвижности руки. Он делает какие-то упражнения, с трудом поджимая ноги, а сдержанно помогающий ему врач меланхолично жуёт резинку: ему-то что, он работает. Такие судьбы всегда вызывают и сострадание, и уважение, но дело не только в этом. Этим людям, как мне кажется, известно что-то, неведомое нам, более или менее здоровым и благополучным.

Каскадеры (во всяком случае, те, которые показаны в фильме Т. Юриной) рискуют потому, что риск — их стихия, они не могут без него жить. Их не останавливает даже то, что степень риска несоизмерима с нищенской оплатой, что рискуют они, грубо говоря, бесплатно. На их до дикости примитивную, дешевую «технику» просто страшно смотреть. Вот рушится с обрыва и мгновенно вспыхивает свечной допотопный бензовоз, который по всем законам механики вообще не должен был бы двигаться. И в последний момент, на самой кромке обрыва, из него вылетает маленькая фигурка. Обошлось... Подходят друзья, хлопают по плечу. Только они знают, что несколько секунд назад их могло стать меньше.

Киношное начальство любит использовать труд каскадеров, но его мало беспокоят их зарплата, статус. Каскадеры числятся дворниками, сторожами, черт знает кем, их почетной во всем кинематографическом мире профессии у нас как бы не существует! А они взрослые люди со своими запутанными-перепутанными судьбами и отношениями, с семьями в конце концов.

АВАНТЮРА ПОЛЕТА

Документальный фильм «Очень вредное производство на фабрике грез» (студия «Эго» Всесоюзного центра кино и телевидения для детей и юношества) режиссера Татьяны Юриной и сценариста Анатолия Гостюшина начинается с катастрофы...

Каскадеры в отличие от своих «хозяев» остро чувствуют чужую боль, заботятся друг о друге, как о детях, жалуют лошадей, которые нередко гибнут или калечатся во время трюков, жалуют даже машины. Вот кто-то из них говорит, как о живом человеке: «В прошлом году убивали «Мерседес», так мы отпели его сначала, отпили, а уж потом...» Непросты их отношения с другими каскадерскими школами (конкуренция!), с прекрасной киргизской школой например, но когда им доводится накоротке встретиться со знаменитым Худайбергеновым или с кем-то еще, то все в порядке, проблем никаких. Каскадерское братство замешано на высоком профессионализме, на хроническом риске и — в самом прозаическом смысле — на крови.

Они во многом похожи, но приходят в свою профессию, конечно, по-разному. У Саши Карина, например, за плечами театральный институт, высшие режиссерские курсы, сделанный им фильм о каскадерах «Страна Трюканийя», несколько киноролей, самая большая из которых — Андрей Находка в панфиловской «Матери» — все еще добирается к зрителям. Он и сейчас пишет сценарии, горит, хорошие. А еще позади молодость в провинциальном городке, которая во многом объясняет, почему он выбрал такую дорогу.

Саша рассказывает об этом примерно так: детство было тусклым, скучным, кругом какое-то картофельное поле, все время хотелось куда-то вырваться, уйти. Кажется, в этом месте фильма возникают кадры из Сашиней «Страны Трюканийи»: несколько молодых ребят бредут вверх, к вершине, от унылых картофельных полей — в манящую, яркую жизнь.

Конечно, в реальности все гораздо сложнее. Не сомневаюсь, что есть среди каскадеров и люди с прекрасным, как говорится, «перспективным» прошлым, но, наверное, и такое прошлое для людей, не умеющих, не желающих жить без риска и вне риска, было своего рода «картофельным полем». С четверть века назад был такой французский фильм «Авантюристы» (в нашем прокате — «Искатели приключений») с Аланом

Делоном и Лино Вентура — неразлучными друзьями, которым тоже все хотелось чего-то необычного, все не жилось спокойно. Но в «Авантюристах» все было слишком уж красиво, хоть герой Делоны и погиб в конце концов. В жизни наоборот: Делоны, слава Богу, жив, а нестарый еще Вентура умер. Тем более все наоборот в жизни Саши Карина и его товарищей. Конечно, в определенном смысле вся их профессия — авантюризм (что в буквальном переводе как раз и означает: сомнительное, рискованное предприятие с весьма неясным исходом), но в двигательном механизме авантюризма этих людей лежит не голая бесшабашность, не легкое безумие и, уж тем более, не погоня за прибылью. Какая там, к черту, прибыль! Это их стихия, их форма существования, предначертанная кому от рождения, кому — попозже. Рожденный ползать летать не может, но они-то как раз рождены летать.

Вот снова и снова повторяются эти кадры: Саша летит, широко раскинув руки, счастливый тем, что летит, на какие-то мгновения забыв обо всем. На том тулузском фестивале американцы привезли свою технику откуда-то из XXII века, привезли и огромный надувной матрас, удобный, мягкий. Наши ребята тогда опробовали его, похвалили, но сами-то прыгали все равно на родимый картонный штабель. Я было подумал, что, будь у них такой матрас, может быть, с Сашей ничего бы и не случилось. Но знающие люди объяснили, что в данном случае техника ни при чем — просто Саша чуть-чуть не довернулся, так что и заморский матрас ему бы не помог. Да и не в картонные коробки врезался Саша Карин, а в идиотскую, нелепую систему, отталкивающую, выводящую этих удивительных людей из равновесия вместо того, чтобы хотя бы не мешать им.

Впрочем, по большому счету помешать таким людям, как Саша Карин, наверное, невозможно. Он все еще летит, пускай и по-другому, и остановится только тогда, когда сам захочет. Но он вряд ли захочет.

Сергей БУРИН.